

«Комсомольский призыв»

15 апреля 1958 года открылся XXIII съезд комсомола. Съезд как съезд, ничего особенно примечательного. Разве что в своем протокольном выступлении-напутствии молодежи отец снова вернулся к взаимоотношениям общества и государства.

«Мы говорим, что при коммунизме государство отомрет. Какие же органы сохранятся? Общественные! Будут ли они называться комсомолом, профсоюзами или как-то по-другому, но это будут общественные организации, через которые общество будет регулировать свои отношения. Надо сейчас расчищать пути к этому, приучать людей»...

Сказанное не удовлетворило в первую очередь самого отца: заменить-то они заменят, но как? И в чем разница? Последние месяцы он все чаще возвращался к этой, затронутой Гришиным на прошлогоднем Пленуме ЦК, проблеме. Если государство по мере приближения к коммунизму должно отмирать, то кто же тогда озаботится выполнением производственных планов? И кто вообще составит эти планы? Кто проследит за порядком в стране? Кто займется уборкой улиц, наконец? И как быть с преступниками? Основоположники говорят, с ростом сознательности преступность пойдет на убыль... Но пока она не исчезнет, кто-то обязан ловить жуликов?

Человека, склонного к прикладной деятельности, отца не удовлетворяли философские сентенции: по мере продвижения вперед все образуется само собой, «незримая рука» коммунистической сознательности все поставит на место. Отец пытался себе представить будущее без государства, но у него не очень получалось. Конечно, можно заменить названия, но суть-то останется прежней. Так он ничего и не придумал.

Летом 1958 года отец пригласил на дачу Пономарева. Борис Николаевич, тертый калач, крайне осторожный, юлил, уходил от прямого ответа, сыпал цитатами из Маркса и Ленина и запутал отца вконец. Получалось, что процесс отмирания государства, постепенный и поначалу незаметный, уже начался. Профсоюзы уже берут на себя какие-то государственные функции, заботятся об отдыхе граждан, совместно с комсомолом занимаются воспитанием детей и многим другим. По сути дела, он повторил аргументы Гришина, прозвучавшие на декабрьском (1957 года) Пленуме ЦК, но в наукообразном виде.

Пономарев отца не то что убедил, но за неимением лучшего... Отец вскоре попытается осуществить его слова на практике, начнет перекладывать часть функций государства на плечи общественности. Но об этом чуть позже.

На Пленуме произошло еще одно, казалось бы, неприметное событие. Ставшего уже староватым для комсомола, сорокалетнего Первого секретаря ЦК ВЛКСМ Александра Николаевича Шелепина сменил тридцатичетырехлетний Владимир Ефимович Семичастный.

Шелепин ушел в ЦК КПСС заведовать отделом партийных и всех иных руководящих кадров. Это одна из самых важных и престижных должностей в высшей иерархии тогдашней власти. Традиционно заведующим кадрового отдела ЦК становился человек, пользующийся полным доверием «Первого». Оно и понятно: министры, секретари обкомов, командующие военными округами, армиями, флотами и не только они, подбирались, просеивались через сито его аппарата. Заведующий отделом во многом определял будущий расклад во власти.

Шелепина нельзя назвать человеком отца, скорее наоборот. Он рос и воспитывался в рядах сталинской бюрократии. Но иных тогда просто не существовало, а у Шелепина,

считал отец, имелось одно неоспоримое преимущество: молодость. Поработает в ЦК, «оботрется», а там придет время испытать его и на практических делах, обкатать в обкоме или республике. А дальше?... Дальше видно будет. В общем, отец рассчитывал на Шелепина. Зря рассчитывал. Как показало будущее, Шелепин оказался одновременно бюрократом без живого управленческого чутья и твердолобым сталинистом. Недаром его прозвали «железным Шуриком».

С Шелепина начался «комсомольский призыв» во власть, омоложение-обновление партийного и государственного аппарата. Шелепину же представилась уникальная возможность расставить своих людей на важнейшие государственные посты.